

БРЮС ФЁДОРОВ

A stylized face with a glowing mushroom cloud for a nose. The face has large, light-colored eyes and a dark, textured skin. The background is a dark, reddish-purple color with a grainy texture. The text is overlaid on the face and the mushroom cloud.

«Z»
LAND,

ИЛИ

СОН НА ОХОТЕ

Брюс Фёдоров

«Z» Land, или Сон на охоте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50173164

ISBN 9785005093950

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман исследует глубины человеческой психологии в лучших традициях русской классической литературы. Вместе с главными героями вы погрузитесь в темный мир антиутопии, в котором размываются такие понятия, как мораль и совесть, а черта, отделяющая человека от зверя, становится очень зыбкой. Захватывающий сюжет книги и философские рассуждения заставят вас задуматься над тем, что вообще значит быть человеком и как сохранить это гордое звание в современном мире. Книга носит антивоенный характер. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

78

«Z» Land, или Сон на охоте

Брюс Фёдоров

Корректор Сергей Ким

Иллюстратор Марина Шатуленко

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Брюс Фёдоров, 2020

© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2020

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-9395-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

One for death and Two for birth,
Three for wind and Four for earth,
Five for fire, Six for rain,
Seven's joy and Eight is pain,
Nine to go, Ten back again.
You are dead and He is not.¹

¹ Один – это смерть, Два – рождение, Три – это ветер, Четыре – свечение, Пять – огонь, Шесть – вода, Семь – игра, Восемь – беда, Девять и Десять – иди туда-сюда. Он жив, а Ты уже нет.

(Детская английская считалка)

Чистяков с усилием через вытянутые трубочкой губы выдавил из себя длинную струю сизого табачного дыма, который, расплзаясь в стороны, медленно пополз вверх к задёгнутой серой пеленой небу. Освободив лёгкие от горького газа, он надолго и натужно закашлялся, прихватывая горло ладонью правой руки. Сигарета перекатилась в уголок рта и будто нарочно приклеилась к нему изжеванным обрезом фильтра.

– Может, довольно, Филипп Денисович? Накурились? – басовито промолвил плотный широкоплечий мужчина, стоявший рядом с Чистяковым и старательно подпиривший плечом сорванный со своего места косяк дверного проёма. – Сейчас и курить не надо – дыши этим воздухом. В нём заразы больше, чем в твоей сигарете, – и участливо положил руку на вздрагивающую спину своего товарища. Ему на минуту даже стало жаль этого долговязого сухопарого человека, вечно занятого поисками ответов на нескладные вопросы, имеющие так мало общего с окружающей реальностью.

– Я скоро, Глеб, – хрипло откликнулся Чистяков, с трудом подавляя в себе последние спазмы, до того сотрясавшие всё его длинное тело. – Уже всё хорошо, в порядке.

Выпрямившись, он поднёс к лицу погасшую в его руке сигарету, понюхал её и с отвращением отшвырнул в сторону.

– А кстати, Глеб Давыдович, – губы приоткрытого рта Чи-

стякова слегка шевельнулись, чтобы оформить выходящие из него слова. – Ты в Москве или в Нью-Йорке не был?

«Вот так-так. Откуда родился такой вопрос?» – изумился про себя Глеб Долива, но вида не подал. Ему не хотелось обижать близкого товарища. Накануне выехали вместе на охоту, чтобы испытать удачу в лесистых отрогах Уральского хребта. Может, сподобит охотничье счастье подстеречь среди каменных развалов-курумов горделивое рогатое чудо – местного непререкаемого короля – изюбря – или хотя бы услышать его пробирающий до пят раскатистый, подобно звонкому громовому раскату, пронзительный и трубный рёв? Не удалось на сей раз «оттопать» неуловимого красавца.

Вздыбилась земля, поехали, заваливаясь, по склонам вековые кедровые и лиственничные, тронулись со своих мест огромные валуны, дремавшие в своих уютных излогах и ложбинах ещё со времён ледникового периода. И покатались вниз, разбивая в труху и пыль попадавшие на их пути берёзы и другие камни. С протяжным и жутким стоном вздохнула уральская земля и вскоре замерла, словно застыла в ужасе от нанесённой ей неведомой силой бесконечной боли.

Как они бежали к месту стоянки своего внедорожника, Долива помнил смутно. Рядом с ними и над головами проносились и скакали бесчисленные сломанные сучья и вывороченные из почвы огромные комли с перепутанными корневищами. Пыль забивала глаза и уши, а встречный напор воздуха сдавливал грудь с такой яростью, что сердце с тру-

дом проталкивало кровоток к затуманенному мозгу и ставшим вялыми и плохо управляемыми ногам.

Им повезло. Они сумели добраться до своего «Хантера», который, ежеминутно подпрыгивая на неровностях дороги и постоянно рыская то в одну, то в другую сторону, уносил незадачливых охотников всё дальше от гибельного места. Пролесок, сплошь усыпанный мелкими каменистыми осколками с проплешинами размокшей глины, по которому они двигались, и дорогой назвать было нельзя. Мотор надсадно урчал, выволакивая джип из очередной глубокой выбоины, а ручка передач по неведомой причине хаотично болталась то вправо, то влево. Там, где была едва заметная колея, по которой они пробрались всего лишь сутки назад, теперь маячили бугры земельных наростов, возникших под воздействием чудовищного подземного давления. И тогда, бешено вращая руль и беспрестанно работая сцеплением, приходилось заниматься дорожным слаломом.

Глеб Долива надолго запомнил, как его напарник утробным голосом выдавил из себя:

– Что это? Куда мы попали?

– Должно быть, землетрясение в горах? – неуверенно ответил Глеб и ещё крепче вцепился обеими руками в железный поручень перед собой, так как боялся, что резкий крен или бросок в сторону их железного спасителя, выкинет его вместе боковой дверью на обочину. Никто из мужчин не обращал внимания на разливающуюся в телах боль от много-

численных ушибов и царапин, которыми были покрыты их лица и руки.

Даже оказавшись на относительно ровном плато, они не смогли сразу почувствовать себя в безопасности, так как колеса УАЗа постоянно вздрагивали от сейсмических толчков.

– Должно быть, это – афтершоки, – глубокомысленно заметил Чистяков, облегчённо переводя дыхание и с надеждой думая о том, что самое страшное осталось позади. Однако полной уверенности в этом не было, так как им, как и прежде, всё ещё казалось, что поверхность под автомобилем продолжает судорожно вспучиваться, то выгибаясь, то опадая вновь. До Нижнереченска, откуда они оба были родом и где жили и работали, было ещё далеко, не менее 300 километров.

– Нет, это не землетрясение, Глеб, – уже более спокойно продолжал рассуждать Чистяков. – Это что-то другое, но вот что, понять не могу.

– Ну что другое, что другое? – нервно вспыхнул Долива и повернул к своему товарищу своё всё ещё искажённое гримасой ужаса лицо. – Ты понимаешь, что мы еле ноги унесли? Спаси и сохрани нас, Господи, – Глеб быстро и мелко несколько раз перекрестился.

– Не знаю. Пока что ничего сказать не могу. Ты вот что, включи-ка радио. Новости послушаем. Наверняка по всем

программам передают о событиях в наших местах.

Откликаясь на просьбу товарища, Глеб тронул ручку включения радиоприёмника.

– Главное, чтобы города и жилые посёлки не затронуло. Ну что там?

– Не могу понять. Сплошные шумы и электрические разряды, – Долива перевёл настройку в режим ручного поиска и теперь, шустро перебирая пальцами, вращал колёсико тонкой корректировки частот.

– Ладно. Тогда попробуй позвонить по мобильному телефону своим домашним. Спроси, как и что они. Что в городе происходит? Им должно быть на месте виднее.

Глеб моментально оставил свои бесполезные поиски в эфире и лихорадочно принялся тыкать в пластиковые клавиши телефона.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Чистяков и даже притормозил «Хантер».

– Ничего. Нет связи. Её просто нет, – опустошённо пробормотал в ответ Долива и бессильно откинулся на спинку сиденья. – Пусто. Тишина.

– Вот что. Выйди из джипа и попробуй ещё раз. Может быть, наэлектризованный металлический кузов блокирует прохождение радиоволн? Набери также номер дежурного администрации города. Ведь ты же там у них известный начальник. Они должны откликнуться. Если нет, то связывайся подряд со всеми экстренными службами, – Филипп Денисович со своего водительского сиденья перегнулся корпусом в сторону своего товарища и правой рукой открыл ему дверь. Долива сполз со своего места и вышел наружу. Выражение его глаз приобрело такую бесконечную отрешенность, которая бывает, наверное, только у самоубийц в момент последнего шага с карниза высотного здания или перед тем, как отбросить ногой качающийся под собой стул, чтобы с хрустом переломить себе пеньковой верёвкой шейные позвонки.

Следуя наставлениям своего друга, Глеб отошел на пару шагов от автомобиля и вновь уткнулся в клавиатуру мобильного, но завершить привычные манипуляции не успел. Жестокий порыв ветра сбил его с ног и подкатил к заднему бамперу внедорожника, подобно тому как разгульный суховец в своё удовольствие гоняет по степи спутанный в травяные шары сухой ковыль. Даже двухтонный нагруженный «Хантер» подпрыгнул вверх, на долю секунды выставив к небу свои измазанные дорожной грязью и пылью фары. С трудом двигая ногами и руками и своими неловкими движениями напоминая жука-бомбардира, Долива буквально втиснул

на заднее сиденье машины своё вмиг погрузневшее тело, которое, как ему показалось, стало весить не менее 200 килограммов.

– Ходу Филипп, ходу. Иначе нам хана. Думаю, сейчас всем в нашем городе какую, – прохрипел он.

Чистяков хранил молчание и, набычив голову, упрямо смотрел перед собой на неторопливо пробежавшую под днище джипа колею и непрерывно, как штурвал корабля, вращал рулевое колесо:

– Не паникуй и не пори чушь, – наконец отозвался он, намеренно дозируя слова. – Сбой связи может быть по любой причине. До города доберёмся и сами во всём разберёмся. Ты лучше отлежишь и поспи, если сможешь.

Не довелось им доехать до родимого дома и увидеть сияющие от счастья глаза любимых домочадцев, искренне радующихся приезду главы и опоры семейного очага. Если у Глеба Доливы были жена и две прелестные дочурки с кудрявыми каштановыми головками, то Чистяков коротал свой век разведенца почти в одиночестве, но и у него была дорогая его стойкому сердцу подруга.

Через 20 километров мотор неожиданно пару раз чихнул и замолк навсегда. Стартер беспомощно прокручивал маховик двигателя, пока и сам не затих, оставив о себе на па-

мять кисловатый запах перегоревшей обмотки электромотора. Наступила давящая тишина, выгребавшая из душ остатки мужества. Стало более различимо слышно, как то усиливается, то вновь стихает ветер да стучат о стёкла мелкие камни.

– Ну что, Филя? Теперь нам уже точно кранты, – почти весело, с задором пробасил Глеб. – Никуда не деться. Как на подводной лодке. Кругом ни людей, ни хижины. Каменистая равнина и редколесье, куда ни посмотри, вёрст на 200 с гаком.

– Опять принялся бубнить, Глеб Давидович, – поморщился Чистяков, явно не желая скрывать своего неудовольствия. – Уже почти сумерки. Ночь переждём в «Хантере», а поутру двинемся.

– Куда, куда, мил человек? В каком направлении? Ты хоть знаешь, эмчэсовец хренов, что в этом богом забытом краю существуют лишь скалы, сосны да медведи? И дороги поди дальше тоже нет – в крошку перемешала её земная встряска и разорвала на части и овраги.

– А вот ты взгляни сюда, – Чистяков развернул карту местности и, подсвечивая ручным фонарём – бортовая сеть автомобиля всё равно была обесточена, – пододвинул её к Доливе. – Вот видишь эту точку? Так вот, здесь должна располагаться территория небольшого военного объекта. Года три назад я был в этой части и инструктировал её руководство по вопросам пожарной безопасности. У них есть своя

дизельная электростанция и узел связи, как полагается. Расстояние – всего ничего: не больше 10—15 километров. Как-нибудь выдюжим. А теперь давай лучше перекусим из припасов, что жёны нам насобирали. Так что откупоривай заветную. После таких передряг грамм по 200 мы с тобой заслужили.

И ведь вывел-таки их на следующий день Филипп к воинской части, несмотря на перелицованную природным катаклизмом землю и шквалистый ветер. Везучий чёрт и не впервой спасает жизнь ему, Доливе. Прошлой осенью одним выстрелом со 100 метров положил матерого секача, который успел-таки слегка подцепить рылом со спины замешкавшегося Глеба. И смешно, и горько признаваться себе в том, что так оплошал, но свирепый рык кабана он до сих пор с содроганием вспоминает.

Как тут не признать, что при всей несуразности своей худощавой фигуры и вытянутой наподобие кабачка головы Чистяков был сноровистей и ловчее его, Глеба, который никогда не отказывал себе в удовольствии полюбоваться перед зеркалом атлетическим рельефом своих мышц. Не хотелось ему уминать свою гордость, да пришлось с собой договариваться. Дать себе характеристику, что недотёпа? Конечно нет, ни в коем разе, но прийти к парадоксальной мысли о том, что его друг Филипп только потому и родился на этой земле, чтобы его, Доливу, спасти да выручать, было куда приятней.

Поэтому неожиданно прозвучавший вопрос Чистякова о Москве и Нью-Йорке Глеб воспринял снисходительно: «Всё понятно. У кого не поедет крыша после таких событий?» Оттого со всей серьёзностью отвечивал:

– В Нью-Йорке я не был. Это факт. Далеко и нужды не было, но вот в Москву регулярно ездил: на отчёт или на ковер. Как доведётся. Нашу администрацию эти москвичи мало сказать что проверками замучили, так ещё и к себе в столицу регулярно выдёргивали. А на моих плечах всё коммунальное хозяйство города, и ещё в нагрузку строительный комплекс взвалили. Забот не оберёшься, а проблем ещё больше. Все кому не лень пальцами тычут, мол, мы, чинуши оборзевшие, сплошь ворьё и бюрократы. И в Москву вереницей жалобы строчат. А там знаешь как – у москвичей вся власть. Сами в деньгах купаются, а другим продохнуть не дают. Нет, не был я в Америке и в Москву наездился выше головы. Больше не хочу. А ты к чему это спросил?

– Считай, просто так. Я вот когда в Москву приезжал, всегда прогуливался по Тверской улице, от Триумфальной до Красной площади. Такая прогулка для меня стала не просто привычкой, а приметой. Если пройду по главной улице города, значит, у меня в столице сложится всё хорошо. А в Нью-Йорке и на Манхэттене я, разумеется, тоже не был. Собирался купить себе и подруге тур по всем Соединённым

Штатам, да так и не успел. А теперь и торопиться никуда не надо, – Чистяков тяжело перевёл дыхание и прикрыл ладонью глаза, чтобы защитить их от горсти песка, которую швырнул в лицо неугомонный вихревой порыв. – Думаю, сейчас везде всё уравнилось в жутком единообразии: что Тверская, что Манхеттен – сплошные завалы из разрушенных зданий, кусков бетона и вспученного асфальта.

– Может, ты и прав? – хмуро прокомментировал Долива слова своего друга. – Тогда тем более хватит нам торчать на открытом воздухе. Чувствуешь, земля опять под ногами вздрогнула, а на горизонте второй раз за день выросли воронки торнадо. Лучше укроемся в здании от греха подальше. Заодно проведем, как там Женька. Как бы концы не отдала – лежит на койке без движения целые сутки и даже не стоит.

Когда 30 часов назад они наконец увидели вдали неясные очертания каких-то построек и огороженной территории, их радости не было предела. Путь в десяток-другой километров от застывшего в беспомощности УАЗа до зоны спасения вымотал их окончательно не только физически, но и духовно. Сознание саднило от навязчивого, как прилипшая к сапогам глина, вопроса: правильно ли они проложили свой путь? От компаса, вращавшего намагниченной стрелкой во все стороны, прока было мало. GPS, понятное дело,

отсутствовал, оказавшись в ловушке электромагнитных возмущений. Там, где были ровные участки почвы, теперь зияли овраги с обрывами, а где низины – там горбились холмы и скальные завалы. Основательно изодрав охотничьи костюмы и обувь, они всё же сумели дотащить с собой свои ружья и вещевые мешки с продуктовыми запасами и парой двухлитровых бутылок с водой. От усталости мускулы ног и живота подёргивала мелкая судорога, а лица, несмотря на защитные противопылевые очки, основательно были иссечены острыми кремневыми сколами.

Подойдя ближе, Чистяков и Долива увидели, что даже это казавшееся им на подходе надежным прибежище, умело упрятанное военными инженерами в тихой и незаметной лощине в сердцевине пологой возвышенности, успело испытать на себе свирепые удары дикой природной стихии. Панельные ограждения, обвитые поверху спиралями колючей проволоки с обоюдоострыми кромками, были разорваны на сотни метров. Распашные ворота центрального въезда и без того были распахнуты настежь, а их створки сорваны с петель и скручены поперёк так ловко, будто ими позабавился, проверяя свою молодецкую силушку, какой-нибудь великан, сошедший с самой высокой вершины Уральского хребта. Доминирующая над всеми постройками кирпичная труба была будто острым скальпелем срезана наполовину. Вместо электроподстанции возвышалась внушительная груда битых асбестоцементных плит и щебня. В не лучшем со-

стоянии находились здание штаба, ангары и складские помещения. Вся территория была усыпана кусками бетона и арматуры. Ажурная и в прошлом высоченная антенна, использовавшаяся прежде то ли для радиосвязи, то ли для радиолокации, ныне плашмя валялась на земле, расплющив своим многотонным весом солдатскую столовую.

Военного объекта как такового больше не существовало. На удивление на две трети сохранилась только казарма для рядового и сержантского состава, на фасаде которой дивным образом всё ещё красовался барельеф в виде пятиконечной звезды, выкрашенной в красный цвет, и надпись в полстены: «Ратным трудом крепи оборону страны».

Даже самый первый поверхностный взгляд утвердил пострадавших скитальцев в нерадостной мысли о том, что военные в спешке оставили свою базу несколько дней назад ещё до грозного события, забрав с собой всю технику и снаряжение.

Уныние и страх закрались в сердца изверившихся в своей судьбе скитальцев. Надежда на человеческую помощь рухнула разом, а следом за ней покинули последние силы. Бесцельно бродили они между молчаливых, ничего не говорящих руин, и всего лишь один вывод продолжал преследовать их: если воинское подразделение в полном составе оставило своё оборудованное и обжитое место, значит, прозвучала безотлагательная команда об экстренной эвакуации по сигналу «боевая тревога». Какие слова прозвучали здесь? Что

знали командир и офицеры части и что не знал ни многотысячный Нижнереченск, ни район с его посёлками, ни обширная область, на которой могли бы уместиться три Франции, ни весь народ большой страны? Что разом взорвало мирное небо над головами миллионов мужчин, женщин и детей, оставив в прошлом их мечты, радости и печали?

Нетерпеливое ожидание встречи с любимой женщиной, натужный старт космической ракеты, разламывающей стартовую площадку снопом огня, гуканье первенца на руках молодой матери, яростный порыв горнопроходчиков, возводящих защитные крепи у себя над головой, только чтобы задержать, остановить лавину воды и камня; мечты и замирание сердца, измены и проклятия, зелёные луга под синим небом, журчание лесных ручьёв и залиvistые трели соловья – всё это, весь этот калейдоскоп жизни мгновенно исчез, как будто его никогда и не было. Бытие и реальность рассыпались на не связанные друг с другом осколки. Сознание перестало существовать как нейрофизиологический процесс. И, наконец, исчезло понятие смерти, которую с этого момента стало более уместным именовать как – ничто и ни о чём не говорящее событие.

Тогда, в тот день, когда они, с трудом подвинув в сторону скособоченную дверь и уворачиваясь от свисавших с потолка разорванных кабелей электропроводки, зашли внутрь полуразрушенной казармы, их удивлению не было предела. Пройдя по сплошь покрытому трещинами коридору, они

оказались в помещении главной спальней комнаты, где среди сдвинутых и разломанных кроватей они увидели сбившуюся в тесную кучу группу людей. Никто их не приветствовал, не кинулся на встречу с ликующим возгласом. Постельцы этого убогого приюта жались друг к другу и молчали будто на похоронах. Скорбь отпечаталась на их пепельных лицах, а грязные руки были сплошь покрыты ссадинами и багровыми кровоподтёками. В глазах сквозило бесконечное отчаяние. Их было человек 30—35: большинство – мужчины, несколько женщин и двое детей. Одним словом, гражданские всё лица и ни одной офицерской звёздочки. Каким ветром их сюда задуло? Хотя да, похоже, всё тем же, что и их самих.

– Здорово, народ! – возгласил Глеб Долива, намеренно стараясь придать своему голосу весёлые нотки, и попытался заглянуть в глаза каждому, что оказалось делом совершенно непростым – большинство сидело с опущенными ниже плеч головами. – О чём молчим? – продолжал настаивать он, но ответа так и не дождался. Безмолвствовал и его друг Филипп. Трудно давалась ему задача – подобрать нужные слова, чтобы развеять гнетущую атмосферу.

И вдруг в давящей тишине прозвучал голос маленького мальчика лет девяти-десяти, не больше:

– Дяденьки, а водичка и хлеб у вас есть?

Простой вопрос прозвучал для Глеба и Филиппа как труб-

ный глас с ясного неба. Оба одновременно, путаясь в застёжках своих рюкзаков, развязали их и вывалили все имевшиеся в них припасы и бутылки с водой на голый матрас свободной кровати. Сверкнули пробудившиеся глаза. Люди зашевелились и разом развернулись туда, где возвышалась притягивающая к себе горка источника жизни. Вначале одна рука несмело протянулась к продуктам, следом другая, и вот уже все, толкаясь и невнятно шепча какие-то слова, сбились в плотную толпу в попытке выхватить для себя всё, что только возможно, и желательно побольше.

Оторопевший поначалу от развернувшейся перед ним картины неуправляемого хаоса Чистяков быстро пришёл в себя и без труда растолкал метущихся людей. Разыскав бутылку минералки и пару бутербродов с колбасой, решительно забрал их и передал мальчугану, который продолжал стоять за спинами обывателей, не обращавших на него никакого внимания, и лишь ждал своей очереди, чтобы подойти к еде.

– Как тебя зовут, малыш? – поинтересовался он и осторожно дотронулся до вихрастой макушки белесой головы мальчика.

– Коля, – несмело ответил тот, прижимая к груди неожиданно свалившееся к нему в руки богатство.

– Вот что, парень, ты всё ешь и пей и ничего не бойся. Никто у тебя ничего не отнимет. Это я тебе гарантирую. А мать твоя где? – вступил в разговор Глеб.

Мальчик кивком головы, руки у него были заняты, пока-

зал на недвижимо лежавшую женщину, лицо которой было прикрыто грязным куском марли:

– Это моя мама Женя. Она очень больна.

...А ещё в этом году Коле родители купили велосипед. Настал долгожданный день, когда они втроём приехали в большой спортивный магазин, в котором двухколёсные красавцы, сверкая лакированными рамами, выстроились в несколько длинных рядов. Коля сам выбрал себе механического друга. Именно такого, какого хотел и который даже однажды приснился ему в чудесном сне. Это была прекрасная машина с широкими резиновыми шинами на хромированных ободах с бесконечным частоколом из металлических спиц и броской красной наклейкой – Mountain Bull («горный бык»). Как это было приятно – трогать различные кнопки, ручки и крутящиеся педали, в то время как папа, присев у заднего колеса, долго объяснял ему, почему там так много самых разных шестерёнок и как можно одним поворотом рычага на руле перекидывать длинную и тяжёлую цепь привода с одной на другую.

– Отныне, друг мой Колька, ты настоящий король далёких дорог и крутых подъёмов и спусков, – весело воскликнул отец и подтолкнул к своему обожаемому первенцу пахнущее новизной лакированное чудо.

– Теперь я такой же крутой, как и Серёжка из пятого подъезда, который так мне и не дал прокатиться на своём велосипеде и ещё обозвал «сявкой». Ну ничего, я ещё немно-

го потренируюсь и тогда точно обгоню его во дворе, а вся остальная дворовая мелюзга будет мне аплодировать и кричать: «Молоток. Ты сделал этого задавалу».

Дорогой подарок стал частью жизни Коли. Он с ним не хотел расставаться никогда, настолько, что даже несмотря на протесты матери и удивление отца, решил держать в своей комнате поближе к кровати, чтобы в любой момент можно было выпростать руку из-под одеяла и потрогать его. А как же иначе, ведь велосипед дал ему почувствовать себя взрослым человеком и настоящим лихим гонщиком, подчинившим сложную технику. Колька настолько привязался к дорогой ему машине, что даже долго отказывался от предложения мамы и папы пойти с ними в поход по предгорьям Урала. Он, правда, иногда вспоминал свою родную тётю, которая жила одна в Нижнереченске и всегда звала родственников приехать погостить у неё, но расставаться надолго с велосипедом Колька очень не хотел.

И вот теперь в далёкой Москве остался его железный конь, мама лежит на кровати, не открывая глаз, в незнакомом месте, а папы больше нет. Был – и не стало...

С этого поучительного эпизода «битвы» за еду и питьё, показавшего, на что способны люди в минуту отчаяния, и предельно чётко открывшего пришедшим охотникам всю непривлекательность сложившейся ситуации, прошли целые сутки. Теперь Чистяков и Долива знали, кого они встретили

и что их может ждать впереди в этом странном человеческом сообществе. Постояв рядом с изголодавшимся мальчиком, они отошли в сторону:

– Я, конечно, всё понимаю, Филипп, – вполголоса промолвил Глеб и для убедительности округлил глаза. – Мы, разумеется, поступили как надо, благородно, но ты видишь, что происходит. Я не сторонник резких определений и поспешных выводов, но ты сам всё понимаешь. Это – стадо, ведомое инстинктом насыщения, не более того. Они затопчут любого, кто рискнул оказаться на их тропе к водопою.

Чистяков молчал. Выдержав паузу и не дождавшись отклика на своё замечание, Долива продолжил:

– А итоговый вывод таков – мы остались без продуктов и питья. Нам не с чем идти дальше. Вот так.

– А куда ты, собственно, собираешься идти? – Филипп не хотел скрывать спонтанно возникшего у него раздражения, но всё же сдержал себя.

– Как куда? До ближайшего населённого пункта, потом до другого, а глядишь, суток через трое и до родимого Нижнереченска доберёмся. А если транспорт где-то ходит, так вообще не вопрос. Я о семье всё больше беспокоюсь. Может, им помощь нужна? Наверняка нужна. Хочу надеяться на лучшее. Всё же город наш в относительно равнинной местности находится. Глядишь, им повезло и не так жутко

землетрясение по ним охнуло.

– Так ты всё о землетрясении твердишь? – усмешка Филиппа не предвещала ничего хорошего. – Ну-ну.

– А что ты имеешь в виду? – насупился Глеб. Не любит человек, когда кто-то гасит последнюю искорку надежды.

– А вот в этом мы с тобой должны разобраться, – Чистяков посмотрел прямо в глаза своему другу и не отводил своего взгляда до тех пор, пока тот не опустил голову.

...Ровная судьба сложилась у Филиппа Чистякова. О доле первопроходца космических просторов в детстве не мечтал. Газеты не раскачивали его на своих страницах, дорисовывая нимб героя. Жизнь сложилась много проще. По молодости «пошабашил» на сибирских стройках – родители не из тех, чтобы содержать возмужалого «детину». «Покалы-мил» на Севере, там, где и нет уже континентальной широты, но всю зеленеют на небосклоне ледяные фиолетово-алые «цветы». Не прижился в царстве вечного холода не потому, что пальцы в унтах деревенеют, и не потому, что плевков замерзал на лету, а так, потому что не притерпелся пересыпать в ладонях колкие осколки вместо снега, а привык с детства видеть в них пригоршню родниковой воды из сарафанного берёзового леса.

Ушёл не оглядываясь, забыв о «длинном» рубле, но вот сердце свое оторвать так и не сумел. Осталось оно там, где

пурга завивает хвосты ездовым собакам, а олени рогами и копытами копают траншеи, чтобы добраться до любимого ягеля, где над гостеприимной ярангой поднимается приветливый дымок от жаркого очага и где под соболиной паркой впервые увидел он черные как уголь глаза на нежном овале смуглого лица. Часто во сне будет повторять Филипп странное имя – Заряна и, шепча его заиндевелыми губами, чувствовать, как силы возвращаются к нему и как поёт душа от радости земной. Придёт и уйдёт жена, и вслед ей свернётся калачиком в ещё не остывшей постели другая подруга. Настанут новые времена, вильнёт в сторону русло жизни, но каждый раз, нащупывая в непроглядном дыму себе путь, будет видеть он в языках беснующегося пламени светлый облик той, которая всегда протягивает ему спасительную руку. Выручай других, защищай слабых и растерявшихся, любимый.

Прочно легли на плечи Филиппа эмчеэсовские погоны полковника внутренней службы. Судьба наказала ему быть огнеборцем и вбирать в себя страх потерявших надежду и возвращать их к жизни, даря новый день рождения. Не сиделось ему в крепком начальственном кресле. Не было ему места среди резной мебели и равнодушных портретов временных вождей. Звала и звала его к себе огненная стихия. И тогда переступал он гибельную завесу каждый раз, когда и бывалые, прожжённые испытаниями ликвидаторы в нерешительности останавливались, не решаясь окунуться в без-

жалостный огненный смерч.

Будто ещё вчера вынес он на руках из горящего дома женщину с малолетним ребёнком, не чувствуя, как пламя обкусывает обгорелые дыры на его куртке-боевке, подбираясь к незащищённому телу. Таким был он – Филипп Чистяков, таким и хотел остаться, таким его знали жители Нижнереченска и потому спали спокойно. Не мог он быть другим и уронить себя перед образом той, которая осталась в его памяти навсегда...

Пришлось Чистякову и Доливе второй раз навестить ту несчастную, которая по-прежнему лежала на кровати и которую испуганный мальчик по имени Коля называл своей мамой Женей.

– Что с ней? – громко спросил Филипп, рассчитывая на то, что кто-то из этих убогих пришельцев наконец сумеет пояснить ему, что приключилось с несчастной женщиной.

– Обгорела она, – наконец прозвучал сиплый ответ, исходивший от мужчины, одетого в куртку с оторванными рукавами, горло которого было обвязано несколькими витками шерстяного шарфа. Голова говорившего была полностью лысой, а может, тщательно выбритой, которую почти посередине рассекал опоясывающий рубец от давно зажившей раны.

– Снимите тряпку с её лица, – приказным тоном произнёс он.

Чьи-то женские руки с дрожащими пальцами простёрлись

над телом лежавшей и приподняли грязную марлю. Перед взором Чистякова и Глеба открылось малопривлекательное зрелище. Несчастливая ещё дышала. Это бывший пожарный явственно услышал, когда приблизил ухо к её губам, но вот лоб и нос превратились в обложку глянцевого журнала из натянутой багрово-красной кожи. Щеки были покрыты безобразными волдырями и струпиями, ресницы выгорели полностью, а веки стали пергаментными. Уши скрючились почти вдвое, а волосы на голове присутствовали лишь в виде седых отвратительных островков, будто разбросанных по выжженному маковому полю. Состояние рук и шеи представляло столь же удручающее зрелище:

– А ведь до этого она была шатенкой, – раздался чей-то тихий голос. – Красивая дивчина. Из Москвы. Они в походе были. Всего человек пять или шесть. На озере встали, на берегу. А тут вода возьми и вскипи, как в чайнике. Паровое облако моментально их вкрутую сварило. Только она выжила. Дальше других сидела, да её мальчонка, что в палатке был, за косогором.

– Вы хотя бы регулярно тряпку водой смачивали. Да марлицу бы сменили, – укоризненно посетовал Глеб Долива и даже не взглянул на говорившего, а тот и представляться не собирался. Сказал и умолк, как его и не было. – Всё ей легче будет.

– Так воды-то нет у нас, – угрюмо буркнул уже знакомый

мужик с головой на манер рассечённого бильярдного шара. – По глотку, может, на рыло осталось.

– Но ведь на дворе есть водоём с водой для пожарных нужд, – Чистяков присел на кровать, на которой громоздилась нескладная фигура ворчуна. – Почему ею не воспользовались?

– Почему, почему... – просипел мужик. Не любил он тех, которые всё спрашивают-допрашивают: «Я тебя не трогаю, ты меня». Явились, как с горы скатились. Начальников из себя корчат. Так прошли времена начальников. Кончилось их время. Позавчера, как кончилось. – А ты видел, что это за лужа? Сплошь строительным дерьмом и глиной забита. Нет там теперь воды. Вот нет, как ты хочешь. Один отстой. Чего пристал? Иди сам поищи, – «бильярдный шар» решительно отвернулся от Филиппа.

– Пойду, пойду, – усмехнулся Чистяков. – И ты мне поможешь.

– А тебя как звать-величать, гоголь? – Глеб выступил вперёд и встал перед мужиком, расставив для устойчивости ноги. – Ведь ты никак из бывших? Сидел, поди, угадываю? Пятнашка у тебя на лбу чётко выписана. За версту видать.

– Ты что в мою душу лезешь? – вздыбился угрюмый и засобирался, чтобы стойку перед противником обозначить, а там и морду его пощупать, если доведётся.

– Ты успокойся. Всё нормой. Нам всё равно, мотал ли ты

срок или нет. Здесь прокуроров нет. А вот сила твоя нужна, – Филипп тоже поднялся и успокаивающе положил руку на плечо буйна, который поворочался, поворочался, но, почувствовав на себе крепкую ладонь, насупился и замолчал.

– Ты всё же скажи, как твоё имя или как прозываешься. Может, нам не один день вместе кручину одолевать, – Чистяков опять присел на край кровати, увлекая за собой ворчуна. Нужно ему было, очень нужно заглянуть на самое дно чужих глаз, чтобы рассмотреть то сокровенное, что каждый прячет в себя, боясь выдать.

Поколебавшись, «шар» всё же отозвался:

– Геннадий я.

– А по отчеству? – не унимался бывший пожарный полковник.

– По отчеству? – удивлённо протянул бывший зэк. – Вроде как Дмитрич. А вас как кличут? – тюремной интуицией чуял Геннадий, у кого какие погоны под свитером просвечивают.

...Изломанной стёжкой-дорожкой прошагал Геннадий свои 38 лет. Как вышел до времени из детского дома, так и пошёл сам по себе, вихляясь из стороны в сторону. Было у него, как у всех, и отчество – Дмитриевич, была и странная скукоженная фамилия – Шак, но кто приклеил их к его имени и от кого перешла к нему по наследству или просто так по пьяному озорству местного сторожа, чтобы помнил он отцовские дела и его праведно прожитую жизнь, он не знал.

Может быть, его родитель был героем-полярником, а может быть, водил ледоколы через ледяные торосы – кто знает? Никто не сказал ему об этом, чтобы была у него в руках спасительная соломинка, готовая выручить подкидыша в лихую годину, когда потянут его вниз людские водовороты.

Скорее всего, всё пошло по обычному и наезженному варианту. Жила-была женщина весёлая, озорная, охочая до говорливых подруг и разудалого кутежа, а ещё хоровод мужчин с подмигивающими глазами. По-скорому, по-собачьи, где уж тут разглядеть, с чьих губ пьяная слюна капает? Чья щетина режет румяные, напомаженные щёки? Под хохот и грохот из соседней комнаты. Трусики подтянуть, платьишко подправить, губки помадкой припечатать и дальше вбивать каблучки в линолеумный пол под трам-тара-рам.

Да вот незадача. Перемудрила природа. Определила детей рожать, коль матка есть, без разбору вбирающая в себя сонмы хмельных, праздношатающихся сперматозоидов.

Просмотрела, упустила, а там и сроки прошли. Тут уж крути-выкрути, а кроху рожать придётся. Родить – оно можно, господь здоровьишком не обидел, а вот куда чадо неожиданное-нежеланное пристроить, чтобы ночами не канючил, грудь пышную не лохматил, талию с ногами стройными не распирает? Дармоед-спиногрыз. Жизнь молодую, единственную, как упырь высасывает. Красоту девичью дермом детским мажет. Вон. Долой такого, в больничку занести и в корзину с сыпным бельём засунуть. Выживет – значит,

на роду написано. А общество выкормит, выведет. Не впервой. Это они, те, что без роду, без племени, государству нужны, чтобы дороги прокладывали да на стройках ишачили. А мне нет. Хватит, не из таковских.

Указала Геннадию подворотня уличная бутылочкой портовиска дорожку «верную», накатанную. Не ручка в тетради опостылая, не конспекты лекционные, а фомка верная, удачливая, да прозвание уважительное – «механик». Не чепушник подзаборный и не глётка-алкаш. Авторитет. Легко, играючи сейфчик подломить – не вопрос. Кассу раздербанили – королями по городу ходим. Всё можем. Всех купим, в гроб вобьём. Правда, всякое случалось, но на зоне люди тоже правильные есть. Не фраера залётного, а пацана свойского, что мазу держит и своих не сдаёт, того всегда в хату с почётом примут, накормят и ума прибавят. Тут ему и маруха-раскрасавица, и бабла подгонят. Не обидят, коль закона вековечного придерживается. Вор – он всегда вор, и честь свою знает. Правда, пригожество тюремное – зыбкое, туманное. Что уж тут художества расписывать – стрёмно ведь на шконке годы чалиться? А там уже и десны кровоточат, и волос лезет; близкая старость беззубым ртом в глаза заглядывает. Долго ломал голову Генка Шак над вопросами каверзными. Лицевал и переиначивал – нескладно выходило. Так бы и дальше жил – по жизни кружил, да видишь, «подфартило». Грохнуло неведомое, то ли снизу, то ли сверху, и новая колея затеялась...

– А его, Гена, зови Филиппом Денисович. Так тебе сподручнее будет, – ответил за друга Глеб Долива.

– Ладно, мужики, коль друг с другом познакомились, то теперь делом заняться нужно, – возвысил голос Чистяков. Нутром прирождённого спасателя, привыкшего действовать в чрезвычайных ситуациях, он понимал, что промедление реально может поставить вопрос о жизни и смерти всех людей, не имеющих понятия об элементарных приёмах выживания. – Причём безотлагательно, и твоя помощь, Гена, тоже потребуется. Чуете, пол под ногами опять «заиграл».

Больше не говоря ни слова, все трое вышли из спальни, провожаемые взорами оставшихся в ней людей.

– Ты хоть толком скажи, Филипп, куда идём, что ищем? – Глеб с силой ухватился за ремень Чистякова. – Чего в «тёмную» играешь?

– Никто и ни во что здесь не играет, – Филипп решительно отжал ладонь Доливы. – Когда проходили по коридору, мне показалось, что оружейная комната сохранилась.

– Тебе что, оружия мало? – продолжал наседавать Глеб. – Ружья при нас. Автоматы, что ли, нужны? В солдатиков в детстве не наигрался?

Сейчас он не хотел сдерживать себя. Поведение товарища раздражало его. Что-то знает, а не говорит. Про себя держит. Да кто он такой? Не имея представления о том, что с ними приключилось и что им надлежит делать, приводило этого

взрослого и состоявшегося мужчину в состояние беспомощности, а страх за свою жизнь напрочь лишал инициативы:

...Непростым человеком слыл у себя на работе Глеб Давыдович Долива. В городской администрации отвечал за строительство и ЖКХ. Дело хлопотное. Забот невпроворот. Днями по объектам и ремонтам крутился. Сутками пропадал, зато деньгам счёта не знал – в сейф и платяные шкафы складывал, но специалист был знающий и находчивый. Жалобы и наветы со всего города веерами раскидывал, не давая возгореться «пламени». Проверки и комиссии как следует привечал, с подходом. Три уголовных дела, на него заведённые, по кирпичикам рассыпал. На адвокатов и судейских не скупился. Как уж на сковородке крутился. Двух мэров пересидел – кто ж его спихнёт с этакой «расстрельной» должности?

С начальниками уровень держал, не гнул. К подчинённым мог и милость проявить, премию нестыдную выписать. Зато о нём и говорили:

– Ух, Давыдыч, ухарь. На ходу подмётки рвёт. Жиган – как есть жиган, но мастер хороший.

Адреналин всю гонял его ненасытную кровь. Жизнь хотел пить глотками, а не каплями. Живём снова, понимать должен? По-другому и смысла нет. Соорудил себе истинный замок: два этажа сверху, а три вниз ушло. Чтобы людей не дразнить. Жену с детишками в него загнал. Живите и радуйтесь. Для вас стараюсь, соколики. Папку помните, не за-

бывайте. Через пять-шесть годочков в пансион определю. Не простой, а частный, для избранных. И не здесь, а там, подалее. В России хорошо, а в Италии не хуже. «Заодно и „виллочку“ подходящую на взморье средиземном подберу. Не то чтобы нужна, а так, для престижа, так сказать, соответствия статусу. Чтобы коллеги по равенству не косились. Жмотом не прозвали, не ухмылялись в спину – мол, жить не умеет. В копилку „праведные“ сундучит. На себя лучше посмотрите».

Сам жил хорошо, ногу пошире растаптывал, но кого к себе приближал, тоже не обижал. Бабы прилипчивыми пчёлами вокруг него кружили. «Погляди, разве не хороша, и нога подо мной, и что повыше. Слово скажи – свою тайну открою». Смотрел, оценивал, выбирал и не только за статью, но чтобы и верною была. Слово понимала, хвостом по салонам и женским посиделкам не мела. А так получи то, что сердце твоё воробьиное радуется: и каменья разноцветные, и курорты загорелые, и прогулки под парусом белоснежные.

Планы имел, виды прикидывал. Команду сбил, сторонников ухватистых подобрал. Один к одному. Прессу настроил, чтобы позитив у него выпячивала. Партийку подобрал, что за «единую» Россию день и ночь борется, чтобы на красную дорожку вывела. «Не забуду, учту: вы мне, а я вам. А как же. Порядок знаю». Вот, казалось, и вытащил козырного туза, так нет же. Шмякнуло что-то сверху. Всё пошло кувырком, в щепу мечту – кресло городского головы разметало. Нет

справедливости на белом свете, и города уютного и доходного, поди, тоже нет. А дети, а семья? Вот горе так горе...

Понимал Глеб Долива людей. Кто чего стоит – схватывал быстро. Себя не обманывал, чтобы дороже не вышло. Планку поднимал только тогда, когда условия вызрели. Не раньше и не позже, а так, чтобы в точку попасть, миг желанный не упустить. Знал себе цену и достоинства других не приижал. И сейчас, не кривя душой, смекал, что Филипп Чистяков умнее и опытнее его. Лучшее просчитывает кризисную ситуацию и прикидывает варианты возможных последствий. Да, он – профессиональный спасатель, но и не только. Есть у него несомненно редкое качество – чувствовать людей и делать то, что должно, чтобы помочь им. Недаром в Нижнереченске народ на автобусных остановках нет-нет да и вспомнит фамилию Чистякова и доброе слово для него найдёт.

Доливе и сейчас было ясно, что если кто и выручит его и других и вызволит их из разразившейся катастрофы, то это будет именно Филипп Денисович Чистяков, его друг и напарник по охотничьему сообществу. При таком развороте собственные амбиции уместнее поприжать и нос на небо не затаскивать. Глядишь, скромность и согласие спасут драгоценную жизнь. В мирное время он без всяких сомнений заявил бы свои права на пальму первенства. Какой же дурак откажется от лидерства? Наверху и теплее, и светлее, и му-

хи не кусают. Но не сейчас. Сейчас гонор свой лучше будет примять. Пусть себе покомандует, а там видно будет.

– Это ты напрасно, Глеб, – заносчивые слова друга Чистякову явно не понравились. – Никакое оружие нам не нужно и в «войнушку» мы играть не собираемся. Это ты напрасно ёрничаешь. Нам просто нужна одна вещь, один прибор. В каждой воинской части он имеется, с его помощью мы сможем проверить моё предположение.

– Неужели ты думаешь, что по нам был нанесён ядерный удар? – шедший быстрым шагом Долива резко притормозил, причём так, что подошвы его ботинок по инерции проехали несколько сантиметров вперёд, оставляя за собой пыльный след. Куски штукатурки, осыпавшиеся с перекошенных стен и потолка, были разбросаны повсюду. За ним застыла Геннадий Шак.

– Предполагаю и не хочу, чтобы моя догадка оправдалась. Если так, то мы столкнёмся со страшными последствиями, – отрешенно ответил Филипп, продолжая озираться вокруг себя. – Мне кажется, что вот эта дверь, до середины засыпанная битым кирпичом, и есть вход в оружейную комнату. Кстати, вот и сбитая табличка с надписью.

Чистяков взял в руки и покрутил перекрученную металлическую пластину.

Все втроем дружно голыми руками принялись разгребать

кучу каменного мусора, с трудом высвобождая доступ к железной заслонке. Наконец Шак с силой дёрнул дверь на себя, которая, закрипев ржавыми петлями, медленно поддалась и приоткрылась наполовину. Один за другим они проникли из полутёмного коридора в большую комнату, в которой было больше света, который проникал через длинное и узкое окно, перехваченное решёткой из стальных прутьев. Наталкиваясь на поваленные шкафы и перевёрнутые столы, они занялись обследованием помещения.

– Что ищем, начальник? – Генка тронул за рукав Чистякова.

– Здесь должен быть сейф. Он нам нужен?

– Сейф? Вот это дело. Ты бы так и сказал, что кассу идём брать. А то всё ядерный удар, ядерный удар. На «пушку», поди, нас брал? Разыгрывал? – было понятно, что бывший зэк нарочито говорил с издёвкой, чтобы развеять грустные мысли, которые наверняка одолевали каждого.

Наконец они увидели невысокий железный шкаф, запёртый на небольшой висячий замок.

– Он нам нужен, – уверенно указал на ящик Чистяков. – Сможешь его открыть, Геннадий Дмитриевич?

– А то. Этот «калач» возьмём легко, – Шак поискал что-то у себя под ногами. Нашел тонкую проволоку, сплющил её конец своими крепкими передними зубами и, создав из неё незамысловатый профиль, принялся ковыряться в замке. Не прошло и минуты, как молчаливый страж слетел со сво-

их проушин.

Чистяков облегчённо вздохнул:

– Ловко, – и, покопавшись, вытащил из ящика два прибора в чёрном пластиковом корпусе. – Если батареи и аккумуляторы не сели, то сейчас мы увидим ответы на все наши вопросы.

Еле слышно щёлкнул выключатель, и на матовом дисплее высветились цифры и буквенные обозначения на латыни.

– Так. Фон повышен, но всё же терпимо, – покачав в руке дозиметр, задумчиво заключил бывший городской пожарный. – Два микрозиверта в час.

– Что это значит, объясни, – встревожился Долива. Шак же, наострив уши, слушал молча.

– Это значит, что в этой комнате присутствует радиационный фон в пределах 200 микрорентген в час. Лучше было бы – 50, ну 100 – тогда можно особо не переживать, а с этим показателем придётся считаться. Вот что. Ты, Глеб, вторым дозиметром произведи замер уровня радиации в этой комнате и в коридоре. Поводи прибором около стен и пола. Затем выходи на улицу, а мы с Геннадием тем временем проведём измерения снаружи здания, – Чистяков проверил работоспособность второго дозиметра и бегло проинструктировал своего напарника по охотничьим делам, как им пользоваться.

Как только бывший спасатель и бывший «медвежатник» вышли из помещения казармы, измеритель моментально

взвизгнул трелью и задёргался в руке. Чистяков впился глазами в экран.

– Худо, очень худо, – произнёс он и вскинул сразу оплывшие глаза на своего спутника. – В том месте, где мы стоим, не менее 500 микрорентген в час. Вот что, Геннадий Дмитриевич, возвращайся в спальню и скажи всем, чтобы оставались на местах и нигде не бродили. Займи их чем-нибудь. Пусть хотя бы готовят из лоскутов ткани ровные отрезки. Из них мы сделаем фитили. Машинное масло или соляра найдётся. Видишь, уже темнеть начинает.

Оба подняли головы к безрадостному серому небу.

Шак молча кивнул и, сгорбатив плечи, нырнул в полуразрушенное здание, где столкнулся с Доливой, который медленно продвигался по коридору к выходу, ведя дозиметр вдоль стены на некотором расстоянии от неё. Когда бывший главный строитель города оказался за пределами казармы, его прибор также испуганно залился тревожным зуммером.

– Что же это, Филипп, нам всем хана? – Глеб то бессмысленно таращился на дисплей с изменившимися цифрами, то переводил взгляд испуганных глаз на своего товарища, который в ответ лишь неопределённо покачал головой:

– Погоди, не кипишись. Факт повышенного радиационного фона налицо. Длительное время на открытом воздухе находиться нежелательно. Часто покидать внутренние покои тоже. Мы с тобой много часов брели по заражённой территории. Могли понахватать рентген. Остальные люди тоже. Бед-

ная Женя, та, что из Москвы с ребёнком, попала под сильное облучение. Боюсь, ей недолго осталось. Но выходить из казармы придётся. Как я себе представляю, нас ожидают неотложные работы, к которым привлечём самых выносливых мужчин. Главное – минимизировать эффект накопления, который может привести к жесткой лучевой болезни.

– Так что же нам делать? – растерянно спросил Долива. – Есть ли шанс, чтобы выжить? Без воды, без еды?

– Есть, – голос Чистякова, к удивлению Глеба, прозвучал уверенно, – если будем делать всё как надо и в определённом порядке. Но чем больше мы будем торчать снаружи и глотать заражённый воздух, тем нам хуже. Думаю, он щедро начинён радионуклидами. Погляди, сверху до сих пор сыплются какие-то частицы, может пепел. Все волосы и глаза запорошило. Так что предлагаю не заниматься пустыми разговорами, а обследовать водонапорную башню. Если в ней нет воды – вот тогда совсем беда. Пойдём, осмотримся.

Добравшись до башни, которая стойко возвышалась над разорённой местностью, они обошли её вокруг, с огорчением отмечая выбитые кое-где из стоек болты, выгнутые металлические профили и, что их особо встревожило, разорванные местами сливные трубы:

«Это периферийная система, в основном на случай перелива. Поправить можно», – подумал бывший пожарный и, увидев торчавший из одной трубы кран, начал медленно откручивать его.

– Вода, есть вода, – радостно закричал он. – Но вот сколько её? Сделаем так. Ты, Глеб, постой внизу, а я по лестнице слажу наверх. Надо через лючок посмотреть, сколько всё же в этом танке воды. Гидравлические уровнемеры без электричества всё равно не функционируют.

– Это что же, я внизу, что ли, буду прохлаждаться? – состроил обиженную мину Долива и, взявшись за поручни лестницы, начал подниматься следом за своим другом. Не хотелось ему признаваться в том, что ему не по себе одному находиться на заражённой территории. Однако по мере продвижения вверх он пожалел о своём решении, так как порывы ветра становились всё сильнее, грозя сорвать его со скользких ступеней, сваренных из кусков железной арматуры.

Когда оба наконец добрались до купола, их положение стало ещё более сложным. Покатые бока наверхия водонапорной башни оказались плохой опорой. Ветер буквально сдувал их к краю огромной крыши. Кое-как разыскав смотровой люк, они с трудом, объединив усилия, провернули запирающий рычаг и заглянули вовнутрь. Где-то глубоко в темноте им почудился отблеск света, отражённый гладью воды.

– А теперь всем вниз, – буквально прокричал Филипп, стараясь преодолеть ветровой напор. – Всё ясно.

Оказавшись у подножья башни, они спрятались за кирпичную кладку и, вплотную сблизив головы, обсудили ре-

зультаты предпринятой экспедиции.

– Значит, вода есть? – напрягаясь спросил Долива.

– Да. По моим прикидкам, половина бака. Если он тянет на 100 тонн, то в нашем распоряжении будет около 50. Очень неплохо, – Чистяков поднял воротник комбинезона, чтобы закрыть им лицо от «выстрелов» гонимых ветром песчинок. – Теперь, Глеб, давай перебежками к зданию столовой. От неё осталась только боковая пристройка, но я помню, что именно там солдатики держали свои продуктовые припасы.

Добравшись до кладовой, они облегчённо вздохнули: на длинных полках плотно друг к другу стояли картонные коробки с мясной тушёнкой, рыбными консервами, банками с зелёным горошком, солёными огурцами и многим чем ещё.

– Ты посмотри, чего они сюда натаскали, скараabei! – восторженно воскликнул бывший коммунальщик, потрясая обеими руками, в которых держал пакеты с сублимированными суповыми наборами. – Ты посмотри, чего здесь только нет: сухие галеты, печенье, сахар. Даже сухая морковь и специи – и то имеются. Вот это удача так удача.

– И я говорю. Хорошие у них были повариха со снабженцем. Добросовестно потрудились. Нам это на пользу, – радостно промурлыкал Чистяков. С его души будто камень свалился. – Здесь даже не только топлёное масло есть, но и сухое молоко в тубах. Нам оно крайне нужно.

– А ты на это взгляни, – Глеб почти силой поволок друга

к стеллажу, на котором ровными рядами выстроились стеклянные банки с томатным, яблочным и апельсиновым соками. – А малиновое варенье ты видел? Да вот же оно. Не туда глядишь.

– А соль, соль есть? Она всему голова, – не унимался предусмотрительный пожарный чин, хватаясь то за одну коробку, то за другую, точно боялся, что всё неожиданно обрётённое ими спасение растворится в воздухе.

– Да вот же. Целый ящик, – Долива торжествуяюще выхватил одну из бумажных пачек и поднял её над собой, не замечая, как из надорванного нижнего уголка белоснежной струйкой стало высыпаться драгоценное вещество.

– Ты осторожно, парень. Давай поменьше восторгов, – сухо заметил Чистяков, подставляя ладонь под льющийся из пачки водопадик из мельчайших «снежных» кристалликов. – Нам нужно до крупинки всё сберечь. Это очень здорово, что мы нашли в этом лабазе и муку, и крупы с макаронами. Надо бы также перебрать в клетях картофель и капусту. Чувствуешь, гнильцой пахнет? – Филипп выразительно пошмыгал носом. – Завтра всё пересчитаем, чтобы понять, сколько продуктов приходится на нос.

– На какой такой нос? – оторопел Глеб и присел на край клетки для хранения овощей, поражённый неожиданным поворотом разговора. – Ты хочешь сказать, что мы займёмся распределением всего этого? – он выразительно обвёл указательным пальцем помещение складской, задерживаясь

взглядом на каждой полке. – Не круто ли берёшь, полковник? Там, в казарме, их целая орава сидит и зубами щёлкает от жадности. Ты только им скажи, что здесь находится склад продовольствия, вмиг налетят. Всё по своим сусекам разнесут, крошки не оставят. Здесь такая свара начнётся, не остановишь. Кровью пахнет. Разве не чувствуешь?

– Значит, ты в людей не веришь, Долива? – задумчиво проговорил Чистяков и пристально взглянул в глаза своему другу так, как если бы впервые увидел его. Будто не было до того долгих лет крепкой дружбы, весёлых застолий и совместного увлечения охотой. Сколько крепких походных башмаков стёрли они вдвоём на каменистых тропинках, пробираясь по горным кручам? Неужели позабыты воспоминания об отчаянных событиях, когда страховали друг друга от случайно сорвавшегося с отвеса валуна, который с грохотом нёсся вниз прямо на них, увлекая за собой попутные камни? Разве тесно было им на узком плоту из наспех сколоченных брёвен таёжного валежника, который выносил их через пенистые пороги из лесной глухомани к человеческому жилью? Тогда не возникали вопросы о взаимном доверии, когда под курткой-ветровкой бугрились плечи от сведённых в отчаянном усилии мускулов, а ладони, не подчиняясь воле, скользили по мокрой поверхности шеста, которым надо было выправить их утлое судёнышко на стремнину реки, подалее от торчащих над её поверхностью грозных, словно заточенных по краям булыг. – Я тебя так должен понимать? –

закончил свой вопрос Филипп.

– Тут гадать не приходится, чудак ты человек, – Глеб вскинулся, как пришпоренная жокеем скаковая лошадь. – Именно всё так и случится. И если хочешь знать, то в голодных людей я не верю, а в потерявших веру в себя тем более. Да ты сам, Филипп, рассуди, какое сообщество мы застали в этом заброшенном месте? И вот что, кончай буравить меня своими глазками. Я твердокаменный. Все свёрла обломаешь. И вот что ещё я тебе скажу, а ты послушай. Внимательно послушай, чтобы потом горько не было. Этим продуктам, что мы нашли, цены нет. Прежние бумажные деньги – фантики, даже золото с брильянтами – всё это пустое. Этот склад наш и только наш. Он не для всех, а только для избранных, то есть для нас с тобой. Если хочешь, можем привлечь в свою команду ещё несколько самых крепких мужиков. Только так сможем выжить. А остальные, слабаки и доходяги, обречены. Они как бы ещё есть, но их уже нет. Ты же сам это прекрасно понимаешь, только сказать об этом прямо не хочешь. В добренького и справедливого играть всегда сподручнее. Так, конечно, совесть свою удобнее лелеять. А я говорю как есть, так, как должно быть по разуму, – Долива громко перевёл дыхание и с напряжением принялся ждать ответа от своего друга. Но тот молчал.

Отсутствие реакции со стороны Чистякова ещё больше взвинтило градус спора:

– Херувимом хочешь прослыть? – почти выкрикнул Долива. – Напрасно. Поздно уже. Кончилось царствие земное, да и небесное тоже. Нет больше ни ангелов, ни бесов. Никого нет. Ты хотя бы это понимаешь, каменная твоя башка? – Глеб приблизился к Филиппу и уцепился за рукав его «штормовки», явно намереваясь крепко встряхнуть своего неуступчивого приятеля, но сделать ему это не удалось. Чистяков резким движением отстранился от напарника и скинул его руку со своего плеча.

– Ты говори, договаривай, не стесняйся, – лишь глухо промолвил он.

– И скажу, всё скажу. Думаешь, нет? – вновь вскипел Глеб. – Я долго гнал от себя эту мысль просто потому, что не мог примириться с ней. Думаешь, мне легко всё это говорить? Я намеренно для себя отвергал твои намёки и «научные» заключения, потому что не мог найти в себе силы взглянуть правде в глаза. А сейчас не могу, а вернее, не хочу больше обманывать себя. Ты прав. Это никакое не землетрясение и не второй Тунгусский метеорит. Это ядерная война. А это значит – ужас без конца. Это значит, что нет ни только прошлого, но нет и будущего. По нашей стране нанесён массированный ядерный удар, и я теперь уверен, что и по нашему родному Нижнереченску тоже, так как город стоял в окружении военных баз и шахт для запуска ракет стратегического назначения. Теперь от города, в котором мы жили, остались одни руины, если остались. В этом сомнения

нет, так как ударная волна вкупе со световым излучением распространились по огромной территории. В этом мы только что убедились, как только включили счётчики Гейгера.

– Что же ты опять молчишь? – тонкие губы Доливы, расщеплённые шрамом от перенесённой в детстве «заячьей» болезни, скривились в презрительной ухмылке. – Ладно. Молчи себе на здоровье. Тогда я подведу черту сказанному. Наши семьи, дети, близкие – все превратились в прах или отпечатались «теньями» на каменных остовах разрушенных зданий. Кто выжил – корчится в агонии лучевого поражения. Больше никаких законов, норм морали и прочих порядков совместного цивилизационного проживания не существует. Сейчас главенствуют другие правила, и основное из них – выживает сильнейший. Любым способом, любым образом, как угодно. Ну что, нравится тебе такая картина? – как-то сразу Глеб почувствовал, что у него стало легче на душе, словно тяжёлый камень скатился с неё. Он открылся, сказал то, в чём был теперь глубоко убеждён. Теперь легче не только говорить, но и действовать.

Пафосное признание или вычурная откровенность могут произвести впечатление на слушателей. Так думал Глеб Долива, но так не думал Филипп Чистяков, который продолжал упорно хранить молчание. Более того, он повернулся спиной к своему строптивому другу и, взяв наугад одну из банок с тушенкой, теперь внимательно изучал её, с трудом разбирая мелкие буквы, которыми была напечатана стандартная

этикетка, надёжно приклеенная к покатой боковой поверхности.

– А ведь если верить тексту, в этой тушенке должно быть приличное содержание говядины. Если это так, то это – весьма замечательно и может выручить нас. В говядине много белка, а он быстро восстанавливает силы, которые нам всем потребуются. Дело в том, что в условиях повышенного радиационного фона в организме быстро накапливается усталость, а заодно и апатия ко всему: к работе, к другим людям и даже к самому себе, – бывший начальник пожарной службы Нижнереченска не был расположен к длительному разговору с таким же бывшим главой коммунального городского хозяйства. Достаточно просторная кладовая неожиданно показалась ему узкой и тесной, а скопившийся в ней воздух смрадным и удушливым.

– Так ты мне ничего не ответишь? Презираешь меня? Так тебя я должен теперь понимать? – прошипел Долива. Ноги его согнулись в коленях, а сам он как бы сгруппировался в позицию, удобную для того, чтобы прыгнуть на спину стоявшего рядом с ним человека, которого он уже начинал презирать.

– Отчего же, ответчу, – Филипп медленно повернулся и равнодушно взглянул на своего друга. – Во-первых, прекрати истерить, во-вторых, собранные в этом месте продукты являются общественным достоянием, то есть принадлежат всем.

– А что в-третьих? – выдохнул Глеб. Его выпуклые и блестящие то ли от гнева, то ли от злости глаза утонули в синюшных кругах от выросшей на щеках двухдневной щетины. На верхней губе выступили крупные капли пота, а голова подрагивала почти так же, как это делает игуана в минуту опасности. – Что в-третьих?

– А в-третьих, – сухо усмехнулся Чистяков, – собирай в эту пустую коробку консервы, галеты, сок для детей и больных. Да и тушёнку не забудь. Люди, поди, заждались нас на своих кроватях. Дверь в кладовку надо закрутить толстой проволокой. Кстати, подходящий кусок валяется вон в том углу.

– Хорошо. Я сделаю, как ты велишь, но я вижу, что ты говоришь одно, а ведь думаешь обо мне, что я – сволочь, – горячечно вырвалось у Глеба.

– Поверь, что нет, – последовал короткий ответ, – но запомни: у человека всегда есть выбор, кем быть: или князем земным, или угодником божьим.

* * *

Когда Чистяков и Долива вошли в спальное помещение казармы, их встретила обстановка карстовой пещеры, которую облюбовало для проживания племя неандертальцев. Скорые осенние сумерки занавесили плотными «шторами» пыльные стёкла оконных проёмов. Не без труда пробрав-

шись между в беспорядке сдвинутых железных остовов кроватей, новоявленные данайцы наконец оказались в дальнем углу комнаты, в котором сбилась в кучу плохо различимая людская группа, разместившаяся, как смогла, вокруг импровизированного ночника, сотворённого из железной коробки из-под патронов и нескольких чадящих промасленных фитилей, едва освещавших хотя бы метр вокруг себя. Для воссоздания картины первобытного сообщества не хватало лишь свисавших с потолка мерцающих сталактитов с капающей водой и разбросанных на полу обглоданных костей оленей и бурых медведей.

– Это куда же вы пропали? Ждём, ждём, а вас нет, – из темноты просунулась угловатая фигура Шака. – Надо что-то решать.

Сгрузив с рук тяжёлую коробку, Филипп и Глеб принялись раздавать по кругу принесённую провизию. Они наугад совали в тянущиеся к ним измождённые руки: кому банку тушёнки, кому пачку галет, а кому пакет с картофельными чипсами.

– Да вы успокойтесь. Всем достанется, – увещевал голодных людей Долива, отталкивая руки тех, которые выпрашивали очередную добавку. – Детей, детей давайте сюда. Вот, держите мармелад и бутылки с апельсиновым соком, – он погладил по головке Колю и маленькую Машеньку, которой не было, наверное, и шести лет.

Наступила тишина, нарушаемая лишь шуршанием разво-

рачиваемой бумаги и чавкающими звуками жующих челюстей.

– Вот и славно. Вначале надо накормить людей, а уж потом разговоры разговаривать, – Чистяков с облегчением перевёл дыхание. – Как Женя? – спросил он.

– Ничего. Даже пару раз открыла глаза и губами пошевелила. Должно быть, спросить что-то хотела, но мы не разобрали. Мы ей регулярно меняем примочки на лице и руках. Пока что жива, слава богу, – раздался в ответ незнакомый женский голос.

– Откуда харч, мужики? – Генка Шак обернул к Глебу своё довольное лицо. Он только что закончил выгребать со дна жестяной банки остатки жира с мясом и потому чувствовал себя весьма комфортно. В его глазах плавали отсветы от горящих фитилей и делали похожим на сказочного василиска, только что закончившего вечернюю трапезу.

– Вот об этом и поговорим, когда все будут готовы, – с расстановкой, нажимая на слова «об этом» и «готовы», промолвил Филипп. Он понимал, какая непростая задача стоит перед ним и как сложно будет сплотить всю эту группу людей, которые, возможно, ничего толком не знают и угнетены лишь осознанием своего бедственного положения. Откуда они, как и почему оказались в этом месте? И главное, на кого он может положиться, чтобы вдохнуть в этих горемык хотя бы призрачную надежду на выживание? Не кривя душой, он рассчитывал на своего напарника по охоте. А что вышло?

Этот разговор в кладовой, набитой жизненно необходимыми продуктами, неприятно поразил его. Вроде с ним был не просто хороший знакомый, а даже друг, и вот – на тебе. Поплыл, о своей шкуре беспокоится. Эту логику эмчэсовец принять не мог. Не его эта мораль, чужая, не так воспитан. Равнодушно отмахнуться от судьбы трёх десятков человек он не мог. И всё-таки заниматься назидательной работой и возвращать человека к норме поведения в сложившихся чрезвычайных условиях Чистяков также считал делом пропащим.

Надежда на практическую работу ради спасения своих жизней должна объединить всех. На этом полковник МЧС решил построить свой расчёт, а Долива с его опытом организатора ещё как ему может пригодиться. Он, разумеется, не собирается забывать, как его друг призывал жертвовать всеми ради спасения собственных жизней, однако, несмотря на это, заставит самого себя считать, что Глеб просто оступился. Каждый имеет право на минутную слабость. Не так ли?

Переведя дыхания и убедившись в том, что ажиотаж, связанный с лихорадочным поеданием съестного, поутих, Филипп решил начать свою речь:

– Прошу вашего внимания, – возвысил он свой голос. – Уверен, что ни для кого нет секрета в том, в каком положении мы все оказались. Скажу прямо – оно незавидное, если не сказать больше – плачевное, но такой вывод не повод для того, чтобы опускать руки. У нас есть шанс, которым мы

должны воспользоваться. Вот об этом я хотел бы со всеми вами посоветоваться.

– Позвольте, Филипп Денисович, я хотел бы уточнить одну важную деталь, – из-за плотного круга собравшихся бочком протиснулся невзрачный сухонький человечек с птичьим лицом, на котором была мешковатая стёганая куртка с изодранными рукавами, взятая как будто с чужого плеча. Человечек пошмыгал длинным, как у бекаса, носом и представился: – Завадский Пантелеймон Андросович, преподаватель физики в технологическом колледже Нижнереченска. Был когда-то, по крайней мере.

... Действительно, раньше физик Завадский был учителем, сперва в средней школе, а потом перешёл в учебное заведение рангом повыше. Иногда, особенно когда выдавались свободные и тихие вечера, когда никуда не нужно было торопиться, а просто можно было остаться дома, приготовить ужин и выставить из холодильника на стол заветную поллитровочку, он мог и хотел быть с собой откровенным.

Только тогда в минуту расслабленности и душевного настроения бывший физик, всматриваясь в радужные переливы хрустальной рюмки, мог признаться самому себе в том, что преподавание не его конёк. Просто так сложилось по судьбе, которую он рассматривал сугубо как причудливую череду случайных фактов и событий, которые на исходе первого десятка лет профессиональной деятельности засунули его в никому не известный колледж и, похоже, навсегда.

Да, было когда-то время, полное романтики и мечтаний, но оно безвозвратно осталось далеко в прошлом, на истёртых студенческими джинсами скамьях Ульяновского авиационного института. Оказавшись под крышами громадных цехов самолёто – сборочного завода, Пантелеймон быстро понял, что это – не его высота. До уровня Мясищева и Новожилова ему было явно далеко. Работа же рядовым инженером-конструктором отделения планера его мало прельщала. Вначале появились вопросы к начальнику отдела: как, что и почему, – которые вскоре переросли в претензии и протесты: «Почему другому, такому же простому инженеру, а не мне, больше доверия; кстати, и ежеквартальная премия могла бы быть повыше; а где перспективы карьерного роста?» И, как следствие, смена одной профессии, а потом и другой, третьей и, наконец, непритязательное, но зато спокойное место учителя. Вернее – больше роль, чем должность. Для другого – свою работу любить надо.

Что ж, похоже, язвительность и разочарование в жизни – не самые привлекательные качества в мужчине, на которые слетаются эфирные существа противоположного пола. В итоге – одиночество, отсутствие семьи и нечастые встречи на дому с продавщицей отдела алкогольной продукции из ближайшего магазина. Отсюда незамысловатый вывод о том, что значительных вех на пройденном пути он не расставил. Событий мало, ярких красок на жизненном небосклоне явно немного.

Вспомнить почти нечего, за исключением недавнего случая, когда, находясь у родственников в дальней деревне в километрах 40 от Нижнереченска, он увидел на горизонте странное воздушное образование – встающее над землёй грибообразное облако. Открывшееся перед взором Завадского «завораживающее» зрелище быстро сменилось на сминающее сознание и мужество ужасом, который бросил его на землю, придавив необоримым ветровым потоком, который пронёсся над головой, оставляя за собой выкорчеванные деревья и раскиданные по брёвнышкам крестьянские дома.

Когда Завадский пришёл в себя, может через час, а вернее, через два или три, сказать он не мог, потому что банально бросился бежать, не зная куда и зачем он это делает. Спотыкался, падал, вставал и опять бежал, теряя счёт времени. Где и как провёл ночь – не помнил, то ли брёл, не разбирая дороги, то ли впал в забытье? На следующий день вышел к заброшенной территории незнакомого военного объекта...

С ним случилось то, что вызывало вопросы, а задавать неудобные вопросы Пантелеймон Андросович умел:

– Вскоре мы вольём в себя столько рентген, что уже никакие лекарства нам не помогут, – безапелляционно заявил он. – Да и где взять эти чёртовы лекарства? Для нас их даже в теории не существует. Всё, что мы едим, пьём и чем дышим, напичкано радионуклидами, которые, осмелюсь заметить, обладают периодом полураспада в сотни, тысячи, а то

и миллионы лет. Чем нам всем это грозит? Ответ ясен – неотвратимой и мучительнейшей смертью. Отсюда главный вопрос: от кого мы можем получить столь необходимую помощь? Гадать тоже не приходится – ни от кого и ниоткуда, потому что никого и ничего больше нет. Нет ни Нижнереченска, нет Урала, нет Сибири. Реки и озёра превратились в гибельные ловушки. Почему? Всё просто – разразилась ядерная война, и вся наша страна подверглась испепеляющему удару. Все согласны? А если нет, то почувствуйте, как вновь заходил пол под нашими ногами и земля гудит не переставая. Я всё сказал.

– У кого есть ещё мнения по этому вопросу? – Филипп был настойчив. Пусть говорят что хотят. Пусть вывернутся до конца, скажут о самом сокровенном. Ныне в каждой душе все чувства спеклись в ощущение бесконечной боли. После того как страх за свою собственную жизнь несколько притупился, вернулись мысли о судьбе близких.

Разве не у каждого есть теплое местечко в сердце для самых дорогих существ? Разве тот же Глеб Долива не думает: «Как они там, мои златокудрые дочки-погодки?» А вот у той женщины, у которой был пятилетний Сашенька, что остался на руках у бабушки? Выжили они или их уже нет?

И я, Филипп Чистяков, недавно ещё гордый своей силой и профессионализмом командир пожарных спасателей, разве не говорю себе: «Если бы знать, что с ней, ставшей сразу любимой Иришей, моей надеждой на совместную счастли-

вую жизнь? Зря сказал ей наемдни обидные слова, приревновав к этому разгильдяю Кириллу. А теперь что же, неужто всё исчезло и нельзя ничего повернуть вспять? Не будет больше встречи, чтобы взглянуть в её светлые глаза и сказать: „Прости дурака“».

Или вот та девушка, которая сидит и боится смотреть на меня, может быть, тоже говорит себе: «Я тоже хороша, всё откладывала день, чтобы навестить хворую мать, квартиру её прибрать, стёкла вымыть, обед приготовить, тихо и душевно посидеть за чашкой чая и вспомнить задорное детство, а потом поклониться той, что вырастила меня в одиночку, и расцеловать морщинистые щёки и руки. Ведь можно это было сделать, душу свою украсить. Так нет же, как же удержаться от призывов подмигивающего неоновым оком ночного клуба? Там, в искусственной дымке, под всполохами световой гаммы, нежась в звуковых волнах чарующей музыки, кружатся и порхают беззаботные существа. Там весёлые и смеющиеся „мальчики“ и „девочки“, там распахнуты ворота в лаковую „жизнь“, протекающую на подушках шикарных автомобилей и быстроходных яхт под знойным средиземноморским солнцем. Там открываются „перспективы“ в страну вечного праздника, щедро сдобренные марихуановым флёром».

– Говорите, говорите, друзья, – повторял как заведённый Чистяков.

– Вот я, вот я, – пробравшись почти по головам из-за спин

сомкнувшихся в полукруг людей, шаром выкатилась к огню странная женщина, своими формами похожая на большую переспелую тыкву. Волосы её были растрёпаны и пучками торчали в разные стороны; лицо с подпрыгивающими щеками сплошь покрыто цементной пылью с проторенными следами дорожками. – Глаша я, Глаша – санитарка из городской больницы. Там, в городе, сын мой единственный Петенька. Один он там, сердечный. В город мне надо, к сыночку моему. В школу ему идти, десятиклассник он у меня. Ва-а-а, ва-а-а, – в голос завывала безутешная женщина.

...Бесхитростной сложилась жизнь у Глафиры, точь-в-точь как и она сама. Медсестрой стать получилось, само собой. Не то чтобы стремилась к этому и совсем не мечтала об этом, а так, произвольно всё сложилось. Работа оказалась не хуже других, правда, зарплата – не ахти, отсюда и необходимость перейти на полторы ставки. Тяжело, конечно. Хуже всего ночные смены, но ничего – втянулась. Даже понравилось. Лица людей мелькают, как в калейдоскопе, – у каждого своя история. Послушаешь чужие судьбы, и у самой на душе как бы легче становится. Бывают такие признания – не приведи господь.

Кому «утку» подсунуть, кому таблетки разложить, и самой перепадет что-нибудь от болезных. Шли годы, росли авторитет и уважение. Глафирой Ивановной стала, но лучше Глашей, если ласково. Научилась находить участливое слово, внушать надежду, а то и приструнить буйна-самодура.

Не отказывалась кому пролежни обработать, а кому лобок выбрить. Главврач ценить начал за незлобивый и ровный характер, за безотказность к просьбам, ну если подменить кого или внеурочно выйти на работу, да и лечащие врачи стали доверять ей проводить первичный сбор анамнеза.

А с местными алкашами и синяками – «наркошами» – справлялась за раз. Кого в холодную воду головой, кому внешний массаж сердца и по щекам наотмашь, чтобы в чувство привести. Остальное «скорая» доделает. Там же в «больничке» завела, вернее сделала, себе ребёночка. Присмотрела симпатичного мужичка на выписке. Глазки сощурила, халатик на пуговку пониже расстегнула – поплыл обалдевший от открывшейся возможности удачливый уха-жёр: «Вот это больница так больница: не только подлечили, но и на дорожку знатный подарочек выправили».

Цепким женским умом понимала Глафира, что впереди не ждут её тихие радости и безоблачное семейное счастье. Что делать, статью не вышла. Даже на дециметровых каблук-ках за планку в 160 см не зацепилась. Пухлые бёдра от талии дугу выгибают; груди прокисшим арбузом на раздутый живот напозают, ну и лицо, соответственно, как масленичный блин. Само собой – не Шэрон Стоун, но на разовую поклёвку любители всегда найдутся. Только бы не проворонить, не опоздать, пока ещё цветёт скоротечный 20-й год. А уж с любовью она как-нибудь управится. Не мужику же залётному её дарить, а родную, желанную кровиночку она все-

го обцелует, оближет и вырастит. Так с годами и вытянулся её Петенька в статного красивого парня девкам на загляденье. Так где же он сейчас, с кем, жив ли?

Странные шутки выкидывает природа. Кому даст душу хрустальную, так непременно уродством каким наградит, а вот чтобы в сочетании, на зависть людям и на радость этому миру, так походи поищи.

Двоих вещей только боялась Глафира Ивановна Селезнева: заведующего хирургическим отделением, доктора медицинских наук Амосова Кирилла Георгиевича и домового из больничного стационара, по слухам обитавшего где-то между третьим и четвёртым этажами.

Первый – хирург от бога, неулыбчивый сухопарый человек, окружённый очередями на год вперёд, признавал исключительно единственный вариант отношения к делу подчинённого ему медицинского персонала – рабское подчинение и способность понимать движения его бровей. И поэтому, следуя оригинальной интерпретации кодекса Гиппократов, Глаша каждый раз безропотно лезла под хирургический стол и сидела там часами с судном в руках – не мог, не имел права старый врач приостановить сложнейшую операцию по малой нужде.

А домовой Гоша, в существование которого безоговорочно верил весь женский состав лечебного заведения, включая санитарок и дипломированных докторов, развлекался на свой манер. Не угоди ему, не поставь на ночь полкруж-

ки свежего молока, непременно высыплет таблетки в корзину или спрячет в дальний ящик самый нужный хирургический инструмент, который Глаша загодя заботливо разложила на приборном столике. А уж ежели в процедурной начал выплясывать медицинский шкаф или сама по себе скрипела колёсиками «каталка», то непременно жди «тяжёлого» больного, которого примчит неотложная помощь. Вот такие дела. Спаси Бог...

– В город, в город мне надо, к сыночку моему родному, – продолжала причитать Глафира. – Один он у меня, на весь свет один, – и заламывала себе руки.

Молча слушали люди стенания несчастной женщины. У каждого свое горе, но ещё хуже, когда к своему постучится ещё и чужая беда. Худо, ой худо тогда.

Не говоря ни слова, Чистяков подошёл к убитой неизбывной печалью бывшей медсестре и обнял её за плечи.

– Не надо, милая, не надо, – вполголоса повторял он и разглаживал её спутанные волосы. – Даст бог – обойдётся. Всем сейчас тяжело, – говорил и не верил в свои слова. Неподъемное горе свалилось на согбенные спины людей, которое ни понять, ни представить себе невозможно. Где искать выход, к кому простирать руки, от кого ждать совета и выручки – неизвестно. То, что произошло с этим миром, выходило за пределы человеческого разума, ломало самую устойчивую психику, лишало воли и отбирало последние силы, оставшиеся для борьбы за элементарное существование.

– Да что же вы все правду боитесь сказать? Всё вокруг да около ходите. Смерть, смерть глядит нам в глаза. Я вижу здесь не людей, а одних живых мертвецов, которые всё ещё на что-то надеются. Уж лучше сразу уйти с этой проклятой базы и умереть в чистом поле. Нет мочи терпеть такую муку, – резанул по ушам женский истеричный вскрик. Глеб Долива повыше поднял железную коробку, в которой плавали горящие фитили. Колеблющийся свет выхватил из темноты перекошенное женское лицо ещё молодой женщины, предположительно не старше 35 лет, которое, несмотря на перенесённые мытарства, грязный подбородок и воспалённые глаза, всё ещё сохраняло признаки выдающейся красоты. Выговорившись, женщина ещё теснее прижала к себе маленькую девочку, которую все уже знали как Машеньку, и уткнулась носом в ровный пробор на её головке, который разделял светло-русые волосы, и зашлась в ничем не сдерживаемых рыданиях.

...Было время, совсем недавно, когда Элеонора Завьялова чувствовала себя неукротимой воительницей, победительницей в негласных дуэлях с любыми дерзкими претендентками на её трон. Чувство повелительницы этого мира, по крайней мере тех его пределов, которых достигали её чары, ласкало самолюбие, заставляло испытывать звенящий восторг от осознания своего превосходства. Стоило ей появиться, покачивая желейными бёдрами, скажем, в фойе те-

атра в стильном платье-футляре красного цвета, как головы присутствовавших мужчин начинали неодолимо разворачиваться в её сторону. Как не восхититься переливами ухоженного и тренированного тела, когда Элеонора, немного жеманясь, усаживалась в кресло? Тут уж держись вечно рыщущая в поисках лёгкой поживы мужская братия. Ну а если, как бы невзначай, её длинная и стройная нога в элегантном чулке и красной туфельке вытягивалась в направлении замершего от вождения очередного созерцателя её женской грации, то можно быть уверенным, что не пройдёт и месяца, как пламя неудовлетворенной страсти сожжет его наполовину.

Такой она была, Элеонора, хорошая мать, заботливая жена, умевшая крепко держать в узде своего мужа, а заодно его капиталы, которые он успешно выкачивал из пары принадлежавших ему компаний среднего размера. И при этом ещё совладелица популярного модного салона, что позволяло ей оставаться независимой и неограниченной в своих желаниях женщиной. В её бедовой голове вполне комфортно совмещались представления о семейном долге и самый отвязный адюльтер с молодым и прытким любовником. Она сумела смастерить для себя удобную жизненную философию, которая весьма эффективно сглаживала лёгкие пощипывания совести, порой возникавшие в её душе. В конце концов, любой талант нужно ценить.

Столь выдающаяся внешность и тем более тело не могут принадлежать только одному мужчине – с какой стати? «Ну

а клятва супружеской верности – это как её понимать? – порой размышляла Элеонора. – Кто может бросить в меня камень упрёка, что я плохая мать? Никто. За свою дочку Машеньку я готова не задумываясь отдать здоровье и жизнь. Ну а муж, что ж – это один из тех мужчин, которые сложились в штабель у моих ног, умоляя о снисхождении к их чувственным порывам. Я выбрала его, подчиняясь высшей идее, которой руководствуются все женщины: он должен обеспечить благополучие и защиту мне и моему потомству. Это закон природы и женского естества, а за это я награжу его нежными словами и ласками, страстными поцелуями и самой утончённой эротикой. Разве это не то, что муж хочет прежде всего от своей жены? А любовь – она как мозаика. Я разложу её по заранее мною размеченным сотам. Этот кубик смальты, что побольше, – дорогому супругу, а эти, помельче, – одному любовнику, другому, а может быть, и третьему, чья тень уже замаячила на горизонте, но вот сердце целиком и безоговорочно – моим детям, рождённым и тем, которые ещё будут».

Так бы всё и продолжалось, и жизнь ещё многие годы нежила бы Элеонору Завьялову в своей самой уютной колыбели, если бы не этот проклятый судный день, который вырвал её из привычных будней и разом перечеркнул всё, что она считала заслуженно обрётённым счастьем.

Ураганный ветер перевернул их тяжёлый «Ленд-Крузер», когда они семьёй возвращались из загородной прогулки. Воздушный порыв оказался настолько сильным, что муж

вылетел вместе с рулевым колесом через ветровое стекло, а Элеонору с ребёнком вынесло из салона одновременно с боковой дверью, которая в итоге выручила их и приняла на себя основной удар о каменистую поверхность. Увидев распростёртое на земле тело мужа без признаков жизни, молодая женщина надолго лишилась чувств. Сознание обрела уже под вечер и с трудом смогла разглядеть сидевшую рядом с ней заплаканную Машеньку. Собрав остатки сил, маленькая и большая женщины бесцельно побрели по вздыбившемуся по неизвестно какой причине шоссе, надеясь только на счастливый случай, что им встретится попутная машина.

Им повезло. Примерно через час рядом с ними притормозил большой грузовик, и водитель без расспросов открыл дверь, приглашая подняться к нему в кабину. Они ехали почти всю ночь, неизвестно куда и неизвестно зачем. Шофёр молчал, порой морщился, словно от приступов боли, и не отрывал рук от большого руля, который ему ежесекундно приходилось вращать в разных направлениях. Выбоины и нагромождения разорванного на куски асфальта встречались повсеместно. Как таковой дороги больше не существовало. Машенька, подобрав под себя сбитые в коленках ножки, крепко заснула, а её мать пыталась вглядываться в обступившую их темноту, но вскоре тоже впала в тревожное забытьё.

Обе проснулись одновременно. Грузовик стоял на месте. Не слышно было даже рычания мощного мотора. Водитель сидел неподвижно, уронив голову на вытянутые руки, про-

должавшие сжимать рулевую баранку.

– Эй, – Элеонора потрясла мужчину за рукав. – Как вы там?

Шофёр, имени которого она так и не узнала, медленно повалился вбок, и его тело нескладно стало сползать вниз до тех пор, пока голова не уткнулась в приборную доску.

Двое покойников за день – это было слишком для избалованной удовольствиями женщины. Вскрикнув от ужаса, Элеонора судорожно дёрнула за ручку двери, распахнула её и, подхватив девочку, выбралась наружу. Кругом стояла непроглядная тьма, ветер с посвистом гонял в воздухе листья, щепки и, что было хуже всего, облака каменной пыли, осколки которой больно секли лицо и руки. Земля стонала и постоянно вздрагивала. Стараясь держаться в потоке света автомобильных фар, которые ещё горели, мать и дочь побрели в сторону от беспомощно застывшего грузовика, всё дальше и дальше в глухую темень...

– И вот мы здесь, на этой базе или военном объекте, который так же разрушен, как и всё остальное, – вновь запричитала Элеонора. – И спрашиваю вас, мужчины, что вы сможете сделать, чтобы помочь нам? А если ничего не можете, то так и скажите, – и она очень по-детски всхлипнула, теперь больше от жалости к самой себе. Потом, переведя дыхание, добавила: – Последнее, что я видела, когда мы с мужем ехали в джипе, это то, как в небе вспыхнуло второе солнце, такое яркое, что мгновенно ослепило всех нас на несколько минут.

Глеб Долива обошёл полукруг сидевших людей и, подойдя к убитой горем женщине и её дочери, присел на кровать, на которой размещались несчастные беглецы, и обнял сразу обеих:

– Ну что ты, девочка, – почти проворковал он. Говорил, а сам думал: «Такая баба по мне. Надо ею заняться, когда оклемается. Обстоятельства диктуют одно, а я уже сейчас хочу собрать её груди в один душистый букет. Редкая красота», – и вслух произнёс: – Успокойся, Эля. Не всё ещё потеряно. Об этом мы и хотим потолковать. Что ты молчишь, Филипп? Не видишь, народ волнуется? Начинай. Ты же у нас за главного, – и устремил свой немигающий взгляд на Чистякова, который всё ещё успокаивал Глафиру, пытаясь сбить с неё нервное напряжение.

Филипп не спеша поднялся с кровати, на которую ещё недавно присел ради Глафиры. На прощание поднял её подбородок и ободряюще улыбнулся, мол, ещё не всё потеряно, глупышка. Размял затекший правый плечевой сустав, откашлялся и начал говорить. Вначале его речь была спутанной, но потом выровнялась и слова приобрели весомость и убедительную силу:

– Я вот что хотел поведать вам, друзья... м-м-м... соотечественники. Э-э-э... если кто меня не знает, то я сотрудник МЧС, по крайней мере был им до недавнего времени. Одним словом, мне по работе приходилось заниматься чрезвычайными ситуациями. Все мы сейчас переживаем о наших

близких, не знаем, что будет с нами самими. Положение наше незавидное. Да, именно так, но не аховое. Я не знаю, что я вам должен сказать, чтобы вас успокоить. Может, таких слов вообще нет в природе вещей, так как событий подобного рода в истории человечества не было. Нет, не то я говорю. Я знаю, что вам сказать, но боюсь, что вы меня услышите, только если победите в себе чувство растерянности. Главная задача – мы должны выжить.

– А для чего? – голос спрашивающего принадлежал мужчине, лицо которого скрывалось в темноте.

Чистяков опустил голову. Сейчас люди, наевшись, немного успокоились, но зажечь в них искру оптимизма будет ой как непросто. Если их не вернуть в лоно организованного сообщества – всё, конец. Начнут погибать один за другим. Вначале слабые, затем кто посильнее. Ну а если найдутся неукротимые, то те, собравшись с силами и отринув от себя все нормы морали, начнут добивать других, чтобы отобрать у тех последнее и продлить своё существование любым способом.

– Для чего, говоришь? – бывший пожарный вытянул голову вперёд, словно намереваясь пробурить зрачками тьму и высветить облик незнакомца, задавшего этот вопрос. – Да потому что мы – люди. Мы не имеем права сдаваться. Не отрицаю, что мы оказались в зоне ядерного поражения, но ведь где-то ещё есть выжившие люди: в дальних посёлках, деревнях, малых городах. Переждём время и пойдём их искать.

– Да ты не лукавь, мил человек. Дурачком не прикидывайся, – возразил всё тот же язвительный голос, и к огню, раздвигая сидевших людей, пробился довольно крупный мужчина лет 45 с густой шевелюрой кудрявых волос каштанового цвета. У него были короткие руки, сильные покатые плечи, говорившие о недюжинной физической силе, и выпуклый живот, который он, вне всякого сомнения, «наработал» благодаря преимущественно сидячему образу жизни в мирное время.

...Это был Гершин Лев Михайлович, весьма известный у читающей публики журналист газеты «Трибуна Нижнереченска», писавший сразу в несколько рубрик: внутренняя политика, культура, международное обозрение и природа родного края. Его универсализм объяснялся весьма тривиальной внутренней установкой, которую Лёва Гершин выработал лично для себя очень давно, ещё на заре эпистолярной юности. Пиши всё, что дают и заказывают, пиши везде и всюду и зарабатывай имя, которое тебя и прославит, и прокормит. Его бойкое перо бесстрашно вторгалось в мир чиновничьего беспредела и рассыпало восторги по поводу нагрянувшей в уральскую глубинку московской театральной знаменитости. Ему удавалось выжать слезу у доверчивых горожан, закидывая на первую полосу газеты анонсы по поводу прорыва канализационной трубы в жилом доме или свалившейся в асфальтовый провал на центральной улице «маршрутки» с пассажирами. Не чурался он залезть и в дебри внут-

ренной политики США и лягнуть из-за угла вечно беспокоящих «демократов» и непробиваемо упёртых «республиканцев», по-советски предрекая крах и тем и другим.

Но даже он с его талантом писателя и фантазёра не мог представить себе того, что привычные дразги между людьми и народами так быстро перерастут в нечто беспредельно ужасное и непоправимое. Полетав в вихревых потоках урагана и весьма удачно приземлившись в зарослях орешника, Лев Михайлович первые 20 минут бездвижно лежал на содрогавшейся в судорогах земле. Затем, обретя способность нормально дышать и шевелить пальцами, он первым делом ощупал свое изломанное падением тело и, признав, что оно ещё может служить ему, начал осторожно прочищать запорошенные песком глаза, а потом и горло.

Сидя долго кашлял, выхаркивая из себя сгустки кровавой слизи вместе с грязью. Наконец мастеровитому газетчику удалось подняться на четвереньки и, хватаясь за гибкие и ненадёжные ветки кустарника, более-менее выпрямиться и принять почти вертикальное положение. Поискав глазами, он нашёл толстую сухую палку. Преодолевая головокружение и боль в суставах, вновь присел, чтобы взять её в руки, и с трудом опять встал на ноги. Так, с трудом, шаг за шагом, опираясь на свой импровизированный посох, он побрёл, не осознавая ни цели, ни направления, а больше подчиняясь врождённому инстинкту человека, который заставляет его двигаться в поисках убежища для своего спасения...

– Ты уж извини, Филипп Денисович, только давай без этих разных увещеваний. Непреложный факт в том, что мы находимся в зоне поражения в результате ядерного удара. Вот так, мои дорогие. С этим я согласен. А это значит, что наша страна оказалась втянута в войну с массированным применением ядерных потенциалов. Ядерную войну, дорогие мои, не объявляют. Она крадётсЯ медленно, прячась в собственной тени. Благодушие и дружба цветут в устах политиков, а чёрные мысли изъедают их изнутри, не давая ни спать, ни радоваться жизни. Копится, копится мрак в неуспокоенных душах, а потом срыв, неожиданный, скорый, и полетело всё в тартарары. Кто начал это мракобесие и по какой причине, в данный момент никого не интересует, – Гершин горестно покачал своей каштановой шевелюрой.

– Нет, постойте. Как это не интересует? Как раз наоборот, очень интересует, – перед Чистяковым, загородив спиной Глеба, возник ещё один человек, как призрак, вышедший из темноты.

«Эта тьма рождает пришельцев, – кривя рот, подумал Долива. – То ли ещё будет. Подкормили мы их, так они вновь взялись за старое. Спорить и щёки надувать. Вот ещё один умник нарисовался. А Чистяков всё либеральничает. Всё хочет быть добреньким, к каждому подход найти. Шесть тысяч лет правители на любой вкус пытались осчастливить этих придурков. Ни у кого не вышло. Либеральничает Филипп, либеральничает на нашу голову. Ведь предупреждал я его

в кладовке, что нельзя заниматься спасением осколков мира, когда его уже нет. Сейчас правит закон сильного. Право жить принадлежит избранным. Не понимает, доброхот, что это – замершие перед прыжком волки, а он перед ними всё распинается».

– Я тоже имею право голоса и своё мнение, – новоявленный оратор явно намеревался произвести впечатление на безропотно внимавший народ. В его глазах появился приличествующий моменту блеск, а щёки зарделись алым румянцем, который Долива счёл лихорадочным. – Меня зовут Коростень Спиридон Янович. Надеюсь, многие обо мне слышали. Я депутат городской думы и отвечаю за развитие транспортной инфраструктуры.

– Точнее, отвечал, – с издёвкой промолвил Глеб и внутренне напрягся от острого желания высказать бывшему депутату всё, что про себя думал о нём. – Ты же был управленцем и на словах радел за улучшение жизни других. Не так ли? А как же ты хотел сделать это, коль жизни толком не знаешь? Похоже, подзабыл, что комфортные объятия кабинета и приспущенные на всякий случай шторы скрадывают плещущееся внизу море людских проблем и приглушают грозный рокот народного возмущения?

Коростень, явно обиженный тем, что его прерывают, обернулся в полкорпуса к Доливе:

– Да, отвечал, и поверьте, много для этого сделал, не то что некоторые, – и презрительно дёрнул плечом в сторону

бывшего коммунальщика и строителя.

Есть люди, которые от рождения стремятся подняться на ступеньку выше других. В яслях заполучить самую большую соску, в детском саду – самую красивую игрушку. В университете, где с учёбой явно не то, – превратиться в активного общественника, молодёжного лидера. Осознав, что шустрый язык вкупе с головой-флюгером дают более жирный навар, нежели чем знания или пахота на фирме, маета на заводе или на задней скамье в министерстве, они тут же начинают карабкаться к трибуне, стараясь уцепиться за фалду ещё более пробивного говоруна. Далее много проще: народ посмотрел на живую картинку в телевизоре, прочитал листовку на заборе и впечатлился сказочными обещаниями. В итоге проголосовал как надо. Наконец-то заветные двери открылись. Работяги тут же сварганили маленький троник с подстилкой, который удобно подпёр пока что ещё костлявое седалище. Ничего, дело наживное; быстро раздобреет. А вы слушайте и внимайте.

– Всё дело в том, – явно польщённый всеобщим вниманием, продолжил откровенничать уважаемый Спиридон Янович, – что наша великая страна подверглась коварной и ничем не спровоцированной агрессии со стороны Соединённых Штатов Америки.

– А почему не со стороны Аргентины? – подал реплику язвительный экс-журналист Гершин. – Говорят, у неё тоже есть ядерная бомба. Или Индия с Пакистаном что-то не по-

ладили? А может, Израиль и Иран поторопились всё решить одним разом? Не забудьте о многолюдном Китае с давним желанием вернуть Тайвань любым способом! Рядом задиристые северокорейцы: не стоит недооценивать мстительных азиатов. У них на обиды память долгая и тоже припасён «новогодний подарочек», доставить который с севера на юг – пара минут. Ну а там и мы, грешные, несчётное число раз раскручиваем с американцами русскую рулетку. Не хочу никого обвинять хотя бы по той причине, что кто бы ни запустил эту карусель – это уже не имеет значения. Обычные людские беспечность и безответственность довели человечество до всего этого. Вы этого не допускаете, уважаемый народный избранник?

– Допускаю, – нехотя буркнул знаток городского законодательства и радетель за всеобщую справедливость. – Я только против восторженного восприятия катастрофы, которое в нашей среде у некоторых присутствует.

– Хватит мослы мусолить. Достали вы своей болтовнёй, – поднялся со своего места бывший уголовник Шак. – Ясно одно. Верховые заправилы не столковались между собой. Вот и понеслось дерьмо на наши головы. Ваши вопросы: кто, что и почему – вы, умники, можете засунуть себе куда поглубже. Чего толковище разводите – и так понятно, что мы в глубокой ж... Что делать будем, Филипп? Ты прямо скажи.

– А дело такое, – продолжил свою речь Чистяков, ничуть не смущаясь тем, что его прервали на целых 15 ми-

нут. — У нас нет ни одного вида связи. Радио и телевидение отсутствуют, можно сказать, по определению. Об обстановке в мире и в стране судить невозможно. Нам доступно лишь визуально фиксировать множественные природные катаклизмы и наличие проникающей радиации. Отсюда первый вывод: я согласен, эти последствия вызваны ядерными ударами. Именно так, и несерьёзно тешить себя фантазиями о том, что произошёл взрыв на Нижнереченской атомной электростанции или что Уральский хребет встряхнуло обширное землетрясение с выбросом радиоактивной породы. К сожалению, это не так. Говорю «к сожалению», потому что, по мне, уж лучше был бы второй Чернобыль, чем мировая катастрофа. Не согласен с теми, которые, поддавшись отчаянию, призывают отказаться от борьбы за выживание. Я понимаю, что мы все в той или иной степени поражены лучевой болезнью, но вспомните, что после ужасающих бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в 1945 году нашлись целевшие, и их было немало, которые благополучно дожили до преклонного возраста. Найдутся такие и среди нас.

Для этого судьба благоволила дать нам реальный шанс. Нам с Глебом Давыдовичем удалось обнаружить на территории базы небольшой склад с продуктами. То, что вы съели, — только что оттуда. По моим прикидкам, этих съестных припасов из расчёта на 30—40 человек должно хватить до середины весны. Сейчас уже октябрь. Для основной части уральского региона — это канун зимы, которая обещает

быть в этом году необычайно суровой. Думаю, что экстремально низкие температуры до -50 , а может быть, ниже, станут обычным явлением. Так что полгода обещают быть непростыми. И вот что...

– Подождите, подождите, Филипп Денисович. Вопрос имеется, – учитель физики Завадский переполз со своего места и сперва подбросил в жестянку с мигающими фитилями несколько промасленных тряпок. Огонь тут же почти затух, и стало непроницаемо темно. Полная беспросветность царила и снаружи здания. Слышно было только, как всё крепче с жутким пронизывающим свистом завывает ураган, заставляя грохотать на крыше оторванные куски оцинкованного железа. Тьма на несколько мгновений поглотила собравшихся людей. Затем пламя вспыхнуло вновь и заиграло на сумрачных лицах 30 людей, которые сразу оживились и начали, перебивая друг друга, говорить обо всём, что приходило им в голову.

«Ну вот и хорошо, – Чистяков, скрадывая свои чувства, с облегчением перевёл дыхание. – Наконец-то разговорились. Если начали судачить и препираться, значит, оживают и надежда возвращается в их сердца. – Слава богу».

– Минуточку. Есть проблема, – птичье лицо Пантелеймона Андросовича, его экзотический нос, соперничающий с клювом цапли, и беспрестанно рыщущий взгляд, дополняла вязаная в дырах шапочка на голове, постоянно сползающие из-за отсутствия ремня ватные брюки и грязная, изма-

занная мелом куртка. В лучшие времена этот облик непременно вызвал бы дружные улыбки и неприменные издевательские шутки в его адрес. Но сейчас галдевшие обо всём, что приходило им в голову, люди дружно, как по команде, замолчали и повернулись в сторону бывшего учителя.

– Я вот о чём говорю, – торопливо, спотыкаясь на каждом слове, начал излагать свои мысли Завадский. – Я, как физик, то есть человек, знакомый с ядерным синтезом и цепной реакцией, должен сказать, что питьевой воды, пригодной для человеческого организма, у нас нет. Водоём для пожарных нужд, что на улице, не только загрязнён наметённым в него мусором, но и заражен всевозможными радиоактивными изотопами. Если мы будем собирать снег, накапливать дождевую воду, то эти попытки быстро приведут к тяжёлым заболеваниям, так как ионизированная вода разрушит клеточные мембраны, что, в свою очередь, вызовет ослабление иммунной системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.